

В 1979 ГОДУ БУДЕТ ОПУБЛИКОВАН НОВЫЙ РОМАН ГРИГОРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА БАКЛАНОВА О ВОЙНЕ: «ВО ВЕКИ ВЕКОВ — ДЕВЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ». ПОСЛЕ МНОГОЛЕТНЕГО ПЕРЕРЫВА ПИСАТЕЛЬ, ЗАВОЕВАВШИЙ ПРИЗНАНИЕ КАК АВТОР ВОЕННОЙ ПРОЗЫ, ВНОВЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К СВОЕЙ ТЕМЕ.

ДВЕ ЮНОСТИ

ИНТЕРВЬЮ

— Григорий Яковлевич, кто будет героем вашего нового романа?

— Мой ровесник. А вернее, мой ровесник, но во времени, отодвинутом на тридцать с лишним лет назад.

— Это тот же герой, который в книге «Июль 1941 года» ушел на фронт, а в «Пяди земли» отстаивал плацдарм за Днестром?

— Это человек моего поколения. Я все время пишу о своем поколении, и мой герой стареет вместе со мной.

— Видимо, вы чувствовали необходимость сделать его опять девятнадцатилетним, вернуться к прошлому?

— Я ничего не писал о войне четырнадцать лет. Но знал, что к этому вернуться.

Когда-то я выбросил начало первой части «Пяди земли» и очень этим гордился. Я фактически начал «Пядь земли» с середины, и это было правильно. Прошло много лет. Я писал разные книги, среди них — две вещи о войне. Но вот то время, те события, которые я тогда откинул, сейчас оказались мне вновь интересны и нужны.

— Вы смотрите на своих героев по-новому, оцениваете их поступки и поведение не по законам военного времени, а с точки зрения человека, который знает, что было потом? Иначе говоря, это взгляд из далека семидесятых годов?

— У меня не может быть взгляда «из далека» хотя бы потому, что во время войны я был там. И потом я считаю, что герой становится живым, когда я смотрю не на него, а за него. Другой вопрос — мой собственный взгляд на вещи. Но авторское понимание событий не обязательно выписывать на фасаде своей книги, хорошо, когда читатель сам придет к этому убеждению. Книга не должна приводить его к присяге. Да и читатель разный. Книжки пишу для разных людей.

— В противоречивой оценке ваших книг вы убеждались по читательским письмам?

— По письмам тоже. Мне, например, писали, что война такой, как, например, в «Пяди земли», не была. А другие писали мне, что это про них, что они воевали там и именно так все и было.

— Создавая новый роман, вы пользовались записями того времени?

— В то время я ничего не записывал. Я был солдатом, потом офицером. Кон-

чил войну начальником разведки дивизиона. Конечно, я помню ее, как видел: глазами солдата, лейтенанта.

— То, что критики называют «поэтикой участника»?

— Возможно. Но если вы хотите изобразить жизнь полно, вы неминуемо должны говорить больше, чем понимали тогда, чем понимаете даже спустя десятилетия.

Книга должна быть умнее автора. И она получается умнее, если он пишет жизнь, пишет правду. Тогда и ему и читателю открывается смысл явлений.

— Как вы оцениваете свой новый роман? И если судить об этом еще трудно, какую из своих книг считаете лучшей?

— На такой вопрос часто отвечают так: будущую. Это нескромный ответ, потому что подразумевает: видите, какой я талантливый, сколько книг написал, а напишу еще лучше!.. Не задача писателя писать все время лучше и лучше. Разве «Смерть Ивана Ильича» хуже или лучше «Войны и мира»? А может, через много лет обнаружится, что свою лучшую книгу ты написал уже давно. Но оценивать свой труд трезво — другое дело, это необходимо. Кто-то из великих сказал: когда смотришь вещь мастера, все видит эту вещь, когда смотрит сам мастер, он видит разницу между задуманным и тем, что вышло. По этому промежутку, а он есть всегда — идеал ведь недостижим — можно трезво понять, что же ты сделал.

— Но вы не ответили на вопрос...

— Наверное, роман «Июль 1941 года». Я еще хочу вернуться к этому времени. Оно было трагичным и неповторимым. И это было время высшего героизма. Рухнул мир... И человек в рухнувшем мире должен был жить, воевать, оставаться человеком. Я уже говорил, что все время пишу о своем поколении. К сожалению, жизнь идет быстрее, чем пишется книга, и не все из задуманного успеваешь сделать.

— Рассказать о начале войны — ваш последний замысел?

— Есть еще один — написать о том, кем мы стали, о людях, которым сейчас за пятьдесят. Если все это я успею, смогу считать, что худо ли, бедно, задачу свою выполнил.

— Григорий Яковлевич, многие ваши ровесники стали заниматься литературным

трудом. Вы как-то связываете это с тем, что они прошли, пережили войну?

— В среднем из каждых ста моих ровесников, ушедших на фронт, возвращались трое, пятеро. Я прочитал об этом, кажется, в «Комсомольской правде» и, хотя не очень доверяю статистике, тут поверил. Из ста мальчиков 1921—1925 годов рождения остались в живых трое, пятеро. И это поколение дало советской литературе необычайно много писателей. Трудно предположить, что из нас погибли самые бесталанные, а самые талантливые остались в живых. Война была одинаковой для всех. В пехоте вероятность погибнуть больше, чем, скажем, в танковых войсках... Но и в пехоте, и на танках были те же мальчики, которые еще почти ничего не знали о себе, о своем призвании. Не исключено, что на этой войне был убит Лев Толстой нашего времени.

И вот в живых осталось так мало, а они создали целую литературу. Почему? Само событие было столь огромным, само потрясение всех основ жизни народа и каждого человека в отдельности было так значительно, что литература об этом времени не могла не возникнуть. Ведь тут решалось, быть или не быть.

— А до войны вы ничего не писали?

— До войны я учился в школе, в авиационном техникуме, мечтал стать врачом. И ничего не писал. Даже стихов.

— И писателем вы стали, вернувшись с фронта?

— Вернувшись с фронта, я стал писать. И поступил учиться в Литературный институт: фронтовиков тогда легко принимали. А вообще в этот институт я поступил в достаточной мере случайно: шел по Тверскому бульвару, увидел вывеску «Литературный институт». Я понятия не имел, что такой институт существует, и на всякий случай зашел. Помню, кто-то из студентов спросил: «Что вы творите?». Стало стыдно. Но у меня был написан рассказ и первые главы повести, я принес их на конкурс. Меня приняли, хотя конкурс был огромный. В этот институт и теперь конкурс очень большой.

— Григорий Яковлевич, с самого начала, со своей первой повести «Южнее главного удара», вы стали говорить о мужестве и честности. Изменилось ли, по вашему мнению, спустя тридцать с лишним лет понятие — исполнить свой долг?

— Долг у человека один. И если на фронте от него требовалось мужество солдата, то в мирное время, чтобы быть человеком, нужно гражданское мужество. Это нелегкое дело — прожить жизнь в ладу с собственной совестью.

— И современный девятнадцатилетний мальчик стоит перед этой проблемой. Он вас интересует?

— Очень интересует. Недавно я написал о таком мальчике пьесу «Чем люди живы». Она идет в Театре имени Вахтангова. Герою — семнадцать, отцу его — пятьдесят шесть. И получается так, что мальчик этот одинок в семье.

— Наверное, на войне проблем коммунистичности не существовало, и там ваш герой нашел бы себе друга... Вы очень много пишете о фронтовой дружбе, ее крепости, святости. В «Пяди земли» даже любовь к одной женщине не может разбить товарищества. Вы думаете, в наше время между современными молодыми людьми такая дружба возможна?

— Я был недавно в Тюмени, на строительстве газопровода. Кстати, там, в местных газетах, работают выпускники Литинститута, ребята, которые занимались в моем семинаре по прозе. Я видел, что им очень интересно там работать, по-журналистски и по-человечески. Там особые условия. И в этих условиях, среди людей, отстаивающих на сорокаградусном морозе полную смену, рождаются нравственные нормы, которые невозможно насадить. Они рождаются, а не насаждаются, эти нормы, и потому они настоящие. На трассе есть что-то от фронтового быта, фронтовой дружбы. Сейчас им трудно, но потом они будут с гордостью вспоминать об этом времени.

— А если взять молодого человека в обычных условиях и сравнить его с девятнадцатилетним парнем, ушедшим на фронт, — очень это разные люди?

— Я не вижу особой разницы. В чем-то жизнь вашего ровесника сложнее, но это тоже относительно. Мои братья, погибшие на фронте, были старше меня всего на два года, но сейчас я понимаю, что их жизнь до войны была сложнее моей. Они многое понимали из того, чего не понимал я, и думали серьезней и о большем круге проблем...

— У вас есть эпизод в романе «Друзья». Женщина до смерти испуга-

лась, что опоздала на работу. Было воскресенье, соседи подняли ее на смех за то, что выкопчила полуголову на улицу, и герой, тогда мальчишка, смеялся вместе со всеми. А его старший брат не смеялся. Это об этом?

— Да. Человеку думающему в любое время живется много труднее, чем тому, кто бездумно приемлет все.

— Вы находите общий язык с современными молодыми людьми?

— Смотря с кем. Возраст здесь ни при чем. Есть люди моего поколения, пережившие все, что пережил я, но с ними мне не о чем говорить. А есть ребята, например, из моего семинара в Литинституте, которые младше на тридцать лет, но не было случая, чтобы я не чувствовал с ними общности. Мы можем не сходитьсь во мнениях, но это не исключает дружбы, более важного понимания.

— В наше время, когда в сравнении с вашей юностью, у молодого человека намного больше свободы выбирать, кем бы вы хотели видеть своих детей?

— Я хотел, чтобы они стали врачами. Но мало ли чего хотят родители. Они уже выбрали. Сын, Михаил, закончил факультет журналистики. Дочь, Шура, учится в отделении критики в Литинституте.

— Вы этим недовольны?

— Это их дело. Сыну нравится его профессия.

— Григорий Яковлевич, уж не одно десятилетие вы — профессиональный писатель, а это комнатный труд. Не ощущаете вы недостатка впечатлений или некоторой оторванности от жизни?

— Когда писатель сидит в своей комнате и пишет, он живет не менее реальной жизнью, чем все остальные, и вовсе не от чего не отрывается. А если его книга не волнует людей, кому какое дело, сколько он ездил и видел...

— Но у вас есть такая потребность?

— К сожалению, я езжу больше, чем нужно. В ближайшее время, например, собираюсь пожить на строительстве газопровода в Тюмени. Говорю — к сожалению, потому что это меня отрывает от прямого дела — писать книги... Но привык, еще с пятидесятих годов, когда стал работать в газетах.

— И много тогда ездили?

— После окончания Литинститута больше всего я хотел сидеть и писать. Но надо было на что-то жить, снимать комнату... По заданиям разных газет и журналов я извездил чуть ли не всю страну.

— О чем была ваша первая статья?

— Это был очерк о землеустроителе. Я учился на третьем курсе и поехал по заданию «Литературной газеты» в Чувашию. Кто такие землеустроители, поня-

тия не имел. Но познакомился с человеком, ходил с ним по полям, смотрел. Человек был мне интересен, я постарался об этом рассказать. Помню, очерк напечатали на первой полосе «Литературной газеты»...

— Для газет вы писали легко?

— Нет, у меня не получалось.

— А что не получалось?

— То же, что и сейчас. Слова.

— Ваш первый герой вам понравился. Наверное, были и другие втречи. Значит, вы занимались журналистикой не только ради хлеба насущного?

— Мне очень нравилось ездить, видеть, встречаться с людьми. И сейчас нравится. Но самые интересные поездки, когда ты едешь и смотришь не по обязанности. Тогда ты внутренне свободен и узнаешь больше, чем при целенаправленном узнавании. По-моему, это и есть настоящая журналистика.

— Так написана ваша книга очерков об Америке и Канаде?

— Когда я там был, я не собирал материала для этих очерков. Просто смотрел, говорил с людьми. А книга написалась потом.

— Не возникло у вас желание написать рассказ или повесть на почве своих американских впечатлений?

— Это совсем другое дело. Я не представляю себе серьезного писателя, который взялся бы за роман или даже рассказ из жизни другого народа. Русские классики по полжизни проводили во Франции и Германии, а писали все-таки о России и русских людях.

— Значит, вы признаете только ту журналистику, которая свободна в своем отборе впечатлений?

— Для себя в моем теперешнем возрасте — да.

— Вы считаете, что заведомо обозначенная тема, проблема, герой, иными словами задание, ставит журналиста в жесткие рамки, из которых ему не выйти?

— Бывает по-разному, знаю на своем опыте. Я даже убежден, что молодого журналиста нужно нацеливать. Как нужно нацеливать молодого ученого, пока он не сделает самостоятельного открытия, и тогда уже не ему будет указывать, а его спрашивать. Но не все молодые ученые делают открытия. И не все молодые журналисты становятся большими публицистами или писателями. Для одних бедность по заданиям — юность, для других — вся жизнь. Думаю, можно быть счастливым всю жизнь, доставляя в газету даже несколько строк информации. Если человек делает свое дело, делает то, что его интересует, он счастливый человек...

Беседу вел Т. НАЛЫМОВА.

Моск. Комсомолец, 1978, 19 нояб.